

Кейт Секулес

(Kate Sekules) — аспирантка Bard Graduate Center (Нью-Йорк, США). Она также является приглашенным доцентом кафедры истории современной моды и истории искусства и дизайна в Институте Пратта (Бруклин, США).
kate@refashioner.com

Оптика ВИДИМОЙ ПОЧИНКИ

Аннотация

Мендинг, или починка, возрождается. Несмотря на то что эта практика ручного труда — исправление внешнего вида предметов одежды с помощью шитья — сегодня достаточно модна, чтобы широко воспроизводиться в промышленной продукции, до настоящего момента она в значительной степени ускользала от формального анализа. Статья восполняет этот пробел, определяя и контекстуализируя новые формы мендинга через призму политического сопротивления, ремесла, моды, нового материализма и метафизики. Освобожденный от исторических рамок невидимого гендерно маркированного труда и стратегии выживания, мендинг может рассматриваться как трансдисциплинарная область исследования, имеющая корни и связи как внутри, так и за пределами модного дискурса. В сфере моды, с опорой на существующую литературу, мендинг вступает в диалог с историей вернакулярной одежды, исследованиями текстиля «по косой», объектно-ориентированными аффективными подходами

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress,
Body & Culture
(опубл. онлайн
4 июля 2025)

и автоэтнографическими экспериментальными методами. В конечном счете теоретизация слияния мендинга и моды обнажает трещины в предполагаемых стратегиях дегроуза (degrowth, снижение роста), устойчивости и циркулярности в системах производства и потребления. Починка предстает как мощная регенеративная технология с метафорическим значением, дающая возможность заглянуть в радикальное — и обнадеживающее — будущее.

Ключевые слова: мендинг; починка; радикальная мода; ремонт одежды; новый материализм; история текстиля.

Введение

На протяжении тысячелетий починка, или мендинг¹, была неотъемлемой частью культуры одежды, и тем не менее ее трудно обнаружить в исторических нарративах, музейных коллекциях или сохранившихся предметах. Укоренившаяся ассоциация починки с бедностью сделала ее сокрытие историческим преимуществом и осложнила ее отношения с модой. Однако сегодня ситуация меняется. Эта древняя практика переживает возрождение, проявляясь в новых контекстах как модное ремесло, стилистический тренд, экологическая метафора и зарождающаяся академическая дисциплина. В статье я рассматриваю оптику починки одежды: разделяю связанные друг с другом нити дискурса и одежды, анализирую их по отдельности, а затем вновь переплетаю, чтобы увидеть, какой узор они образуют. В современной практике мендинг становится в буквальном смысле все более видимым как форма социального комментария и элемент дизайна, но совсем не очевидно, как это понимать. Прежде всего, не существует общепринятого определения мендинга, и потому я начну с описания его природы и контекста, предложив ясное определение, отличающее его от смежных форм. Я выделяю сопротивление, ремесло и моду как три ключевых контекста, в которых существует мендинг. Эти контексты связаны, но ведут в разные стороны. Каждый из них раскрывает способы, с помощью которых, становясь видимым, мендинг выворачивает моду наизнанку, обнажая теневые стороны конструкции, композиции, изношенности, тактильности, ухода и в конечном счете самой материальности. Я рассматриваю исследования мендинга как трансдисциплинарные, отмечая сложность даже видимой починки в ее постижении исследователями. Далее я вписываю мендинг в современную теорию моды, включая практико-ориентированные, аффективные и спекулятивные подходы, и связываю его с исследованиями

вернакулярной одежды, вторичного оборота одежды, переделки и повторного использования как с глобальным и антиколониальным по своей сути проектом. В целом я утверждаю, что ускорение и разнообразие форм мендинга способны радикально нарушить представления о модных будущностях и что «кончина» (Jansen 2020) системных дуализмов, таких как модерность/колониальность, может быть устранена благодаря широкому распространению этой практики, одновременно разрушающей и возрождающей.

Что такое мендинг?

Мендинг настолько обыден, что не только ускользнул от большинства письменных свидетельств, скрываясь на виду, но и до сих пор не имеет устойчивого определения. Вот почему первое, с чего следует начать, — это описать, о чем вообще идет речь, когда мы говорим о мендинге. Несмотря на укорененность в саму структуру культуры одежды, исторически починка одежды оказывалась замкнута в рамках домашнего контекста, где она казалась слишком банальной, чтобы заслуживать внимания, за исключением мимолетных упоминаний в художественной литературе (Durrani 2019: 15; König 2013: 571). Прозаичность, обобщенность и очевидность мендинга приводят к тому, что его определение отсутствует даже в специализированных словарях, таких как «Словарь по рукоделию» (Clabburn 1976), а также в последнем издании «Словаря технических терминов СИЕТА» (Moppas & Guelton 2021). Логично было бы ожидать, что простые пособия по шитью, распространенные в Северном полушарии с конца XIX до середины XIX века, содержат хотя бы общее описание этой ключевой формы домашнего труда, и тем не менее (за редким исключением (de Dillmont 1866: 15)) даже они не дают конкретного объяснения починки одежды, вероятно, потому что это казалось столь же ненужным, как включать в пособие по программированию объяснение того, что такое интернет. Что в этих источниках действительно представлено в изобилии, так это детальные и скрупулезные инструкции, насыщенные некогда универсальными максимами вроде «починка всегда предшествует латанию», «стежок, сделанный вовремя, избавляет от девяти других» или «никогда не используйте новую ткань для латания старой» (Goldsworthy 1979; Hale 1879; Holt 1933). Очевидно, что предполагалось существование общего языка «игольной грамотности». Сегодня это уже не так.

При отсутствии официального определения и с целью защитить починку одежды от демотических уничижительных коннотаций для

аудитории, которая больше не держит ежедневно в руках иглу, я предлагаю здесь описание мендинга как практики и как продукта. Мендинг — это технология, реконституирующая мягкое. Под «мягким» здесь подразумеваются изделия из волокон: текстиль, плетеные изделия, веревки, пряжа и кожа. Термин «технология» возвышает обесцененную, скрыто гендерную технику до уровня более высокого ремесла, а «реконституирующая» охватывает множество возможных результатов, предполагая благотворное изменение. Мендинг — это самоустраняющаяся технология, воплощающая скромность, гибридность и незначительность — качества, особенно ценные в мире, разрушенном их противоположностями: хюбрисом, монокультурой и властью.

Единицей мендинга является заплатка, зашитый разрыв или любое более или менее различимое вмешательство с созданием шва. Мендинг всегда вызывается износом, это знак воплощенности, соединяющий плоть и ткань: интимное, вывернутое наружу. С течением времени и в процессе ношения одежда «порождает» мендинг, а затем сам мендинг порождает трещину в модности: его успех традиционно измеряется в обратной пропорции к его заметности. В музеях реставрационная обработка — чрезвычайно специализированная форма мендинга — стремится восстановить то, что реставраторка Сара Скатурро называет «аутентичным моментом вещи... когда ее новизна символизировала воплощение модного идеала» (Scaturro 2017: 7). Починка, однажды ставшая видимой, разрушает этот момент, лишая предмет новизны, означающей модность, — остается лишь платье с заплаткой. Мендинг сохраняет и разрушает: сохраняет ткань и возможность использования, разрушает социальный фасад. В мире, где модность является товаром и зависит от новизны, мендинг выворачивает все наизнанку, усложняет, бросает вызов, нарушает, тревожит. Таковы стереотипы о починке: будто она уродует, она позорна, она является постыдным сигналом бедности. Хотя эти установки не исчезли, мендинг эволюционирует. Одна из новых его форм — разновидность дизайнерского вмешательства — заявляет о себе как о локусе модности. Это новые направления для мендинга, которые отклоняются от прямолинейного пути ремонта. **(Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.)**